

READING OF GREEK AMPHORIC STAMPS

Yvon Garlan

The letters engraved on Greek amphoric stamps by a craftsman more or less competent should not be read as a printed text. It is particularly true in regard to intaglio stamping (englyptique) of Heraclea Pontica stamps whose decipherment must take into consideration certain “lapses” and “errors” which appeared during the engraving and especially printing of the former.

An example can be provided by a stamp dating back to the beginning of Heracleian stamping c. 390 BC and representing the abbreviation of a magistrate’s name tentatively read as ΛΕ- (with a problematic ending). Yet a thorough investigation enables us to suggest the initial segment ΑΕ- which often replaces ΑΙ- at the beginning of the well-known name of ΑΕ(ΘΗΡ)- ΑΙ(ΘΗΡ).

Keywords: amphoric stamp, intaglio stamp (“englyptique”), Heraclea Pontica, abbreviation.

Haute-Bretagne University
Rennes (France)
yvon.garlan@wanadoo.fr

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 2, с. 60–73

А. А. Вигасин

САНСКРИТСКАЯ ЛЕКСИКА, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена историко-культурным аспектам лексических заимствований из греческого языка в санскрит. Автор пытается оценить хронологию заимствований и значимость подобного материала для датировки исторических источников.

Ключевые слова: санскрит, этимология, индо-греческие контакты, датировка источников.

Вопрос о заимствованиях из греческого языка занимал еще пионеров санскритологии – Г.Т. Кольбрука, Т. Бенфея, А. Вебера. Материал соответствующих сопоставлений широко представлен в этимологических словарях¹. Есть работы по данной или близкой тематике и в отечественной историографии. В цикле публикаций Н.Н. Казанского и Е.Р. Крючковой² анализируются такие проблемы, как переводы с санскрита на греческий или с греческого на санскрит, греко-индийский билингвизм, передача греческих имен и терминов в древнеиндийской литературе и эпиграфике и т.д.

Вигасин Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Mauryhofer 1956–1980; 1992–2001, также Uhlenbeck С.С. 1898–1899.

² Казанский, Крючкова 2003; 2006; 2007а; 2007б; Крючкова 2005 и др.

Этимологические исследования представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков. Анализ лексических заимствований способствует пониманию этнических контактов, взаимосвязей и взаимодействия цивилизаций. При этом первостепенное значение имеет хронология подобных заимствований, тот исторический контекст, в котором они становятся возможны и даже необходимы. История слов восстанавливается по текстам, а с другой стороны, определение даты исторического источника нередко зависит от употребления в нем слов иноземного происхождения. Нижеследующие заметки – не исследование по лингвистике, а попытка историка Древней Индии разобраться в накопленном лингвистами материале.

В богатейшей лексике санскрита, сохраненной литературными памятниками и надписями, слов, заимствованных из греческого языка, немного.

1. Едва ли не наиболее ранним заимствованием является само слово для обозначения греков – *yavana*³ или *yauna* (на пали *yona/yonaka*, на праकрите ардха-магадхи *joṇa* и *javaṇa*). *Yavana* встречается уже в грамматике Панини (IV. 1. 49), которую исследователи склонны датировать временем до похода Александра Македонского⁴. Восходит оно к *Ἴώνες/Ἰώνες* («ионийцы»), причем фонетика санскритского слова как будто указывает на наличие дигаммы (**ÍdFov-*). Однако сделать из этого вывод о глубочайшей древности индо-греческих контактов было бы ошибкой – дигамма вышла из употребления к VIII в. до н.э., когда никаких контактов еще быть не могло. Непосредственным предшественником санскритского *yavana*, возможно, было не греческое слово, а семитское (ср. древнееврейское *yāwān*, аккадское *ja-ma-nu* в надписях Ахеменидов). Последнее же появилось еще до выпадения дигаммы в греческом языке.

Исторический контекст, в котором семитское слово могло проникнуть в индийские языки, очевиден. В конце VI в. до н.э. северо-западные области Индии находились под властью династии Ахеменидов, а в Персидской державе языком канцелярии был один из семитских языков – арамейский. Он употреблялся здесь и значительно позднее, о чем свидетельствуют надписи Ашоки, составленные в III в. до н.э. Согласно традиции, Панини был уроженцем Северо-Западной Индии, т.е. именно той области, на которую распространялось влияние Ахеменидов (а следовательно, и канцелярская практика на арамейском языке). Палийское и праकритское *yona* в таком случае является производным от санскритского *yavana* (как палийское *uposatha* происходит от санскритского *upavasatha*, *joṇiyā* в праकрите ардхамагадхи от санскритского *yavanikā* и т.д.⁵).

Yavana в указанном месте грамматики Панини появляется среди примеров на образование слов женского рода при помощи суффикса *-ānī*: Индра > Индрани, Варуна > Варунани, Бхава > Бхавани, Шарва > Шарвани, Рудра > Рудрани, явана > яванани, матула (брат матери) > матулани, ачарья (учитель) > ачарьяни и т.д. Комментатор Катьяна (III в. до н.э.?) толкует слово *yavanānī* как обозначение письменности (*lipī*), происходящее от слова *yavana* (*yavanāl lipiyām*). Ему вторит автор «Махабхашьи» Патанджали (II в. до н.э.), полагающий, что *yavanānī* – слово, относящееся к письму (*yavanānī lipih*). Но при таком объяснении оно явно выпадает

³ Вопрос о происхождении и употреблении слова *yavana* неоднократно обсуждался в индологической литературе. См. Tóttössi 1955; 1977; Karttunen 1994; 1997 (316–320: *Yavanas in Indian Sources*); 2003.

⁴ Cardona 2013, 161: «не позднее середины IV в. до н.э.».

⁵ См. Pischel 1981, § 154.

из контекста. Все прочие элементы указанного выше перечня относятся к существам женского пола: к супругам таких богов, как Индра, Варуна, Бхава, Шарва, Рудра, к женам учителя или брата матери⁶. Поэтому и высказывалось предположение, что *yavanānī* могло бы трактоваться как «гречанка»⁷ или «жена грека»⁸.

Но упоминание «грека» (и «гречанки»?) среди широко известных индийцам персонажей плохо согласуется с датировкой источника эпохой до похода Александра⁹. Известно, правда, что слово *yavana* засвидетельствовано (в надписях и средневековой литературе) в более широком значении – так могли называть иранцев или других иноземцев, пришельцев с Запада (вплоть до мусульман). Но это явно вторичное явление, относящееся к более позднему времени. До похода Александра не было никаких оснований для того, чтобы слово, означавшее греков, переносить на персов или на какие-либо семитские народности¹⁰.

В списках слов так называемой «Ганапатхи» (своего рода приложения к грамматике Панини) встречаются еще два упоминания *yavana* (128.19; 178.4). Однако датировать их тем же временем, что и Панини, нет ни малейших оснований – известно, что «Ганапатха» пополнялась в течение столетий¹¹. В одном из этих случаев (178. 4) мы видим слово *yavanamuṇḍa* («бритоголовый явана») ¹², а перед ним аналогичное *kambojamuṇḍa*¹³. Параллелью может служить фрагмент из «Хариванши» (10. 42–43), эпической поэмы, которая рассматривается в качестве дополнения к «Махабхарате». Там говорится о том, что шаки (саки, скифы) – наполовину бритоголовые, а яваны и камбоджи – полностью бритоголовые, люди из племени парадов ходят с распущенными волосами, а пахлавы (парфяне) носят бороды. Этот перечень народностей явно относится к первым векам н.э., а не к эпохе Панини.

⁶ На это обращает внимание Г. Фальк (1993, 259). Совершенно непонятно, впрочем, почему же комментаторы Катьяна и Патанджали, максимально близкие по времени к Панини, ассоциируют греков именно с письмом. Или в их время сама письменность могла быть названа «гречанкой»?

⁷ Ludwig 1893. В классической санскритской литературе, как известно, «гречанки» фигурируют в качестве вооруженных спутниц царя (Калидаса «Шакунтала», 6 акт: *yavanī* с луком в руках, то же в «Викраморваши», 5 акт). Они именуются *yavanī*, а не *yavanānī*, однако, согласно разъяснению Патанджали («Махабхашья» IV. 1. 49), такие слова тождественны по значению (подобно *mātulī* и *mātulānī*). Правда, Калидаса жил на несколько веков позднее Панини. У Страбона (XV. 1. 55) говорится, что личная охрана индийского царя состоит из женщин, но, конечно, тогда они не были «гречанками». В пракритской «Ангавиджа» (*Aṅgavijjā*, 68, v. 259) мы видим «гречанок» (*joṇikā*) среди женщин из отверженных или низких каст (из племен киратов, барбаров, шабаров, пулиндов, андхров, тамиллов).

⁸ Kane 1974, 516.

⁹ Датировка грамматики Панини III в. до н.э. не может быть полностью исключена (см. Karttunen 1989, 142–146).

¹⁰ Попытки усмотреть в «явана» у Панини персов или семитов неоднократно предпринимались в индологической литературе (см. Falk 1993, 259–260). Но побудительным мотивом для этого, несомненно, являлось желание сохранить раннюю датировку грамматики Панини.

¹¹ Scharfe 1977, 102.

¹² Однако, основываясь на этом, А.К. Нарайн (1980, 1) высказывал предположение, что Панини мог видеть в Северо-Западной Индии «бритоголовых греков».

¹³ Йона регулярно ассоциируется с камбоджа уже в надписях Ашоки (V и XIII БНЭ), а в «Ассалаяна-сутте» («Маджжима-никая» II. 149) социальные порядки у йона и камбоджа противопоставляются индийским: у йонов и камбоджей только две варны – свободных и рабов.

Слово *уона* для обозначения греков в надписях Ашоки (Большие наскальные эдикты II, V и XIII) и в палийской литературе могло появиться независимо от санскритского *уавана* – из древнеперсидского *уауна*. Существует мнение¹⁴, будто *уавана* является всего лишь санскритизацией пракритского *уона*. Тогда близость фонетики санскритского слова с семитским приходится объяснять случайностью. Заимствование из арамейского языка, как было сказано, должно указывать на роль канцелярской практики. Но происхождение пракритского слова из древнеперсидского языка заставляло бы предполагать скорее влияние устной речи – иранцев, селившихся в Северо-Западной Индии во времена Ахеменидов. Более или менее случайные индо-греческие контакты могли иметь место повсюду в державе Ахеменидов (или даже за ее пределами, – к примеру, персидское войско, участвовавшее в битве при Марафоне, включало индийский контингент). Но вопрос заключается в том, почему из обозначений многочисленных народов, входивших в персидскую державу, именно название греков вошло в санскритскую литературу. В любом случае следует думать, что слово, означавшее греков, появилось в индийских языках до похода Александра Македонского. Ведь сами греки не называли себя «явана», «яуна» или «йона», следовательно, в Индию слово попало через посредство какого-то иного языка¹⁵ – древнеперсидского или арамейского.

2. *Suruṅgā/suraṅgā* – «подземный ход». Обычно употребляется в описаниях тайного проникновения во дворец (или, напротив, бегства из дворца) в «Махабхарате» и классической литературе; иногда в значении пролома в стене для проникновения грабителя в дом¹⁶. Слово встречается в среднеиндийских языках (пракритское *suraṅgā*¹⁷ и пали *suruṅgā*¹⁸). Оно сохранилось во многих современных индоарийских языках: хинди (*suraṅg* – туннель, подкоп, мина), бенгали (*suraṅg*), маратхи (*surūg/surāg*), гуджарати (*surāg*), панджаби (*suruṅg*), ория (*suraṅga*), синдхи (*suriṅgha*), непали (*suruṅ*), ассамском (*xuraṅg*), кумаони (*soṛāg*), а также в дардских (кховар, шина – *suruṅ*, кашмири – *srōng*)¹⁹. Происходит от греческого *σῦριγγή*²⁰, которое первоначально означало флейту или трубочку, но затем приобрело значение «подземный ход». Впервые в таком качестве этот термин засвидетельствован у Полибия, который рассказывает (IX. 41. 9), что во время осады города Эхина македонский царь Филипп V приказал сделать подземные ходы для защиты тех, кто находился возле метательных снарядов. Позднее слово встречается у Диодора в I в. до н.э. (II. 10. 3; XVII. 43. 3), у Страбона, Элиана и других греческих писателей.

До похода Александра Македонского индийцы, по всей видимости, не знали техники подкопов при осаде крепостей – греки были их учителями в военном искусстве. Согласно сообщению Квинта Курция Руфа (IX. 8. 13), Александр овладел городом царька Самба в области Синда посредством прорытия подземного хода. Заимствование слова могло иметь место в тот период (II–I вв. до н.э.), когда

¹⁴ Töttössi 1955.

¹⁵ Halbfass 1991, 200.

¹⁶ Mahābhārata I. 2. 83 и др.; Mudrārākṣasa II. 62 и др.; Daśakumāracarita 1966, 31, 95, 99, 134.

¹⁷ Paumacariya V. 85–87; VIII. 158; Āvaśyaka 30, 14; Supāsanāhacaria 454; Upadeśapada 26 и др.

¹⁸ Mahāvamsa VII. 15.

¹⁹ Turner 1989, 779.

²⁰ Stein 1985a. Ф.Б. Кейпер (1939, 30–34) предполагал происхождение слова из языков мунда, ссылаясь на кхмерское *ruṅ* и сантальское *suruṅ* («дыра, отверстие»), но скорее можно думать, что в сантальском мы имеем дело с заимствованием из индоарийских языков.

возникли индо-греческие государства. *Suruṅgā* неоднократно встречается в «Архашастре» (II. 20. 2; V. 2. 42; VII. 17. 33 и др.), что служит основанием для датировки текста началом н.э.²¹ (наряду с упоминанием кораллов *ālakandaka*, т.е. «александрийских», привезенных из Александрии Египетской – КА II. 11. 42²²).

3. К тому же времени должно относиться и появление слова *śauṭīra/śauṇḍīra*. Оно восходит к греческому σωτήρ – «спаситель»²³. Так называли себя греко-бактрийские правители, в том числе знаменитые завоеватели Индии Менаандр и Аполлодот (середина II в. до н.э.)²⁴. На монетах этих царей можно видеть кальку греческого слова – *trātara* (санскритское *trātar*). Но само понятие «царя-спасителя» индийцам было чуждо – они переосмыслили чужое слово, интерпретировав его как «герой, доблестный». Санскритская форма слова, очевидно, восходит к пракритской *soṭīra/soḍīra/soṇḍīra*²⁵. В памятниках санскритской словесности оно впервые встречается в «Махабхарате».

4. Народная этимология связала греческое слово κάμηλος («верблюд») с глаголом *kram* («идти»), на санскрите оно превратилось в *kramelaka / kramela*. В пракритских текстах²⁶ мы видим, соответственно, *kamelaga / kamelaya / kamelao*. Несмотря на поздние датировки пракритских памятников, санскритская форма, возможно, восходит к пракритской. Слово для обозначения «верблюда» заимствовано не позднее начала н.э., ибо оно встречается в «Амаракоше» II. 9. 75, датируемой IV в. Его применяли для обозначения одногорбого аравийского верблюда – дромадера (в отличие от хорошо известного и ранее двугорбого бактриана – *uṣṭra*). По всей видимости, дромадеры (δρομεδάριος < δρόμος «бег») впервые появились в Индии в составе войск диадохов – наследников Александра Македонского. На это время указывает и фонетика слова: в начале нашей эры из-за произношения η как ī санскритское слово выглядело бы скорее как *kramīla*²⁷. Обозначение верблюда в греческом языке, в свою очередь, происходит из семитского (древнееврейское *qāmāl*), но для предположения о заимствовании санскритского *kramela* непосредственно из семитского, минуя греческий, нет оснований.

5. Предлагалось рассматривать санскритское *kunta* («копье») в качестве заимствования греч. κοῦτός²⁸. Слово встречается и в пракритских текстах²⁹. В греческом *κοῦτός* засвидетельствовано со времен Гомера (в «Одиссее» IX. 487 в значении «шест»). Впоследствии обычно используется в значении «пика, копье» (*κοῦτοφόρος* – «копьемосец»). В санскрите *kunta* появляется лишь в эпосе, ведийская литература этого слова не знает, поэтому и возникает идея о заимствовании. Но В. Вюст³⁰ высказывал предположение, что речь может идти не о заимствовании, а об общеиндоевропейском происхождении слова.

²¹ Scharfe 1993, 275–276.

²² См. Lévi 1996, 419–420; Trautmann 1971, 177–178.

²³ Burrow 1970, 15–19.

²⁴ «В Индии не менее 14 царей приняли этот эпитет...: Аполлодот I, Аполлодот II, Аполлофан, Диомед, Дионисий, Гермей, Гиппострат, Менаандр I, Никий, Певкелаос, Поликсен, Стратон I, Стратон II и Зоил II» (Lahiri 1965, 260).

²⁵ *Supāsanāhacaria* 60; *Surasundarīcaria* 2, 134; *Hemacandraprākṛtavvyākaraṇa* 2.63.

²⁶ *Upadeśapada* 1031; *Karuṇāvajrāyudham* 33; *Pāiyalacchī Nāmamālā* 227.

²⁷ Liebich 1931, 433.

²⁸ Uhlenbeck 1898–1899, s.v. (сближение *kunta* с латинским *contus* предлагалось уже в Большом Петербургском словаре О. Бетлинга и Р. Рота, s.v.).

²⁹ См. *Illustrated Ardha-Magadhi Dictionary* 1923, 487.

³⁰ Ap. Mayrhofer 2001, III, 105.

6. Сомнительной³¹ представляется гипотеза Б. Либиха³² о происхождении санскритского *kaṃraṇa* («войско», «командование») из латинского *campus* (через посредство греческого). Слово засвидетельствовано лишь в кашмирской хронике «Раджатарангини» XII в. (да еще в южноиндийской эпиграфике того же времени – в значении «округ, район»). Но пракритское слово для обозначения военного лагеря *paṃpṛuḷa*, очевидно, заимствовано из греческого *παρεμβολή*³³.

7. Напротив, несомненным заимствованием является санскритское *khalina*/*khalīna* («поводья, узда» для верховой лошади, пракритское *khalīṇa*³⁴) от греческого *χαλινός*. Однако неясно, по какой причине понадобилось подобное заимствование тому народу, который давно уже был знаком с верховой ездой. Судя по комментарию Махешвары к «Амаракоше» (II. 8. 49), слово означало железные псалии (ср. в «Панчатантре»³⁵: *khalīṇaṃ mukhe nidhāya* – «вложив в рот удила»). Возможно, какая-то специфическая часть конской упряжи не была известна индийцам до Александра Македонского?

8. В эпиграфике³⁶ нередко фигурирует монета *drachma*, *trakhma*, санскр. *dramma* (греч. *δραχμή*). Это слово в сокращении (*dra*) появляется в надписи из Таксилы на рубеже нашей эры шрифтом кхарошти³⁷. Драхма (*darma*)³⁸ присутствует также на монетах Яудхеев, племенного государства на северо-западе Индии. Датируются эти монеты приблизительно II в.³⁹ Название сохраняется в среднеиндийских (*damma*⁴⁰) и в новоиндийских языках⁴¹ (хинди, гуджарати, маратхи, непали, в ассамском – *dām*, панджаби – *dam*, бенгали и хинди – *dāmṛi*). Счет на драммы ведется в санскритской прозе (например в «Панчатантре») и в комментариях раннего Средневековья (например Асахая на «Нарада-смрити»⁴²). Часто слово, видимо, имело общее значение «монета» – серебряная, но иногда и медная. Именно так употребляет его «Лекхападдхати», приводя многочисленные образцы оформления деловых документов⁴³. Поэтому приходилось уточнять, что имеется в виду, – например, «серебряная драмма». Вероятно, по этой причине драммы не фигурируют в тех перечнях соотношения стоимости и веса монет, которые встречаются в дхармашастрах («Нарада-смрити», «Брихаспати-смрити», «Катьяяна-смрити»). В современном хинди для *dām* (как и *damṛā*) сохраняется значение «цена, стоимость, деньги». Слово того же происхождения *damṛi*, напротив, относится к мелкой монете (восьмая часть пайсы), а отсюда имеет переносное значение «никчемная вещь, дешевка, ничтожество».

³¹ См. Mauryhofer 1956, 1, 160–161. Так же скептически высказываются по этому поводу Казанский, Крючкова 2006, 344.

³² Liebich 1931, 431–432; ср. критику О. Штейна (Stein 1985b, 331–338).

³³ Töttössi 1977, 133.

³⁴ *Supāsanāhacaria* 2.63; *Pāyīlacchī Nāmamālā*, 259.

³⁵ *Pañcatantra of Viṣṇuśarma* 1982, 250.

³⁶ Sircar 1966, 100; см. анализ употреблений слова в Центральной Азии и в Индии: Bailey 1949–1950.

³⁷ *Kharoshthī Inscriptions with the Exception of those of Aśoka* 1991, 98.

³⁸ Das Gupta 1974, 205.

³⁹ Das Gupta 1974, 212.

⁴⁰ *Upadeśapada* 387; *Namacandraprākṛtavayākaraṇa* 4. 422. 4, 13.

⁴¹ Turner 1965, 309.

⁴² *The Nārada-smṛiti* 1989, 88, 105 и др.

⁴³ Strauch 2002.

9. Наряду с драхмой в надписях мы видим и сатер – *satera* или *sadera* (σατήρ)⁴⁴. Также в эпиграфике употребляется сокращение *sa*⁴⁵. В литературных текстах *satera* почти не встречается. Одно из редких исключений – пракритская «Ангавидджа» (трактат, посвященный гаданиям и приметам, – датируется приблизительно IV в.). Здесь в списке названий монет (с. 66. v. 185–186) мы находим, наряду с *dīṇāramāsaka*, также *sateraaka*. Обращает на себя внимание отсутствие в этом списке драхмы. В. Агравал⁴⁶, ссылаясь на комментарий к «Абхидхармакоше», согласно которому сатера равен двум динарам, высказал предположение, что речь идет не о стоимости, а о весе монеты.

10. В списках монет в дхармашастрах⁴⁷ мы видим слово *dīṇāra* (пракритское *dīṇāra*⁴⁸), оно относится к золотой монете определенного достоинства. Таким образом, речь могла идти не о серебряных денариях (δηνάριον), а скорее о римском *aureus*⁴⁹. В начале нашей эры Индия вела широкую торговлю с римским Средиземноморьем – монеты и были тем основным товаром, который индийцы получали в обмен на пряности, лекарства, драгоценные камни и хлопчатобумажные ткани. Как известно, в Индии (преимущественно Южной) находят значительные клады римских монет – золотых и серебряных, выпущенных при первых императорах⁵⁰. Тогда и могли индийцы слышать название римского денария.

По мнению исследователя «Нарада-смрити» Ю. Иолли⁵¹, тексты, в которых упоминаются динары, не могут датироваться более ранним временем, чем II в., так как будто бы только с этого времени η стала произноситься как ī. Эта точка зрения была оспорена А.Б. Кейтом⁵². И действительно, уже на монетах эллинистического времени мы видим передачу греческого имени Δημήτριος как *Dimetriya*⁵³. Аргументация Ю. Иолли с точки зрения фонетики некорректна, но его оценка хронологии тем не менее верна. Дело в том, что «динарами» называли не привозные римские, а индийские золотые монеты. Однако первые золотые монеты в Индии чеканил кушанский царь Вима Кадфиз во II в. Их нумизматы часто называют динарами⁵⁴. В индийской эпиграфике динары впервые упоминаются в эпоху Гуптов (IV–V вв.)⁵⁵. Памятники классической санскритской литера-

⁴⁴ Kharoṣṭhī Inscriptions discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan 1997, № 324 (рядом с золотым *satera* упомянута и *trakhma*), № 702 (*drakhma* и *sadera*). См. также Thomas 1924, 671 f.; Karttunen 2005, 193–194; Agrawala 1955, 153–154.

⁴⁵ Salomon 1999, 144.

⁴⁶ Agrawala 1957, 91.

⁴⁷ Нарада-смрити XIX. 68; Брихаспати-смрити VIII. 10; Катьяна-смрити 494.

⁴⁸ *Upadeśarada* 94, 597. В «Ангавидджа» наряду с *dīṇāramāsaka* (66, v. 185) упоминается также *dīṇāgī* (72, v. 366).

⁴⁹ Рангасвами Айянгар пытался оспорить происхождение слова «динара» от латинского «денарий» на том основании, что обозначение *denarius* применялось лишь к серебряной, а не к золотой монете (Aiyangar 1941, 152–156). На самом деле римские золотые монеты назывались *denarius aureus* или *nummus aureus*, и, таким образом, слово *denarius* могло употребляться в том же значении, что и *nummus* – просто «монета». Автор «Перипла Эритрейского моря» выражается так (8): δηνάριον... καὶ χρυσοῦν δὲ καὶ ἀργυροῦν. В римской Сирии aurei называли просто *Denar*. См. RE 1896, Bd. II, 2, 2548.

⁵⁰ См. Turner 1989; Krishna Sastry 1992; Cribb 1996; Gupta 1965 и др.

⁵¹ Jolly 1928, 48 (перевод книги *Recht und Sitte*, 1896).

⁵² Keith 1915, 504–505; см. также Winternitz 1998, 596.

⁵³ Lahiri 1965, 109.

⁵⁴ Gupta 1979, 28.

⁵⁵ *Inscriptions of the Early Gupta Kings* 1981, 245, 251, 271, 285 и др.

туры, в которых встречается слово «динара»⁵⁶, датируются тем же или еще более поздним временем.

А. Стейн указал на то, что в средневековой кашмирской хронике «Раджатарангини» слово «диннара» имеет общее значение «монета», так как речь идет о «динарах золотых, серебряных и медных»⁵⁷.

В «Нарада-смрити»⁵⁸ слово «динара» встречается также как обозначение золотого украшения (то же мы видим и в хинди⁵⁹), однако данный фрагмент, несомненно, является интерполяцией⁶⁰. Впрочем, и в других древних текстах можно найти подобное словоупотребление. Так, например, в джайнской «Кальпасутре»⁶¹ динара – это ожерелье (очевидно, монисто из золотых монет).

11. Согласно «Нарада-смрити» (XIX. 68), динара соответствует 12 серебряным dhānaka⁶² (dhānika в рукописях «Критьякальпатару»⁶³ Лакшмидхары или dhānyaka⁶⁴). В надписях письмом кхарошти на золотых брусках из Дальверзинтепе (I в.) встречаются такие обозначения весовых единиц, как sa, dra, и dha, т.е. статер, драхма и dhana (или dhāna, ибо на кхарошти долгота гласных не передавалась). Проведенное М.И. Воробьевой-Десятовской⁶⁵ вычисление веса dhana хорошо согласуется с приведенными данными санскритских шастр (дхана составляла одну пятую часть драхмы, т.е. около 0,7 г, а динара – более 8 г). Dhānaka соответствует греческому δανάκι. Первоисточником последнего является упоминаемая в персепольских текстах эпохи Ахеменидов dānaka (десятая часть сикля, серебряная монета)⁶⁶. Позднее в Иране⁶⁷ слово стало произноситься dānag/dāng (откуда через посредство тюркских русск. «деньги»). В санскрите заимствованное слово, возможно, было осмыслено под влиянием dhana («богатство») или dhānā, dhānya («зерно»⁶⁸). Персидское dāng позднее было еще раз заимствовано в индоарийские языки и, в форме ṭāṅka, получило широкое распространение по всей Южной и Центральной Азии.

⁵⁶ Amarakośa III. 3. 13–14; Daśakumāracarita 1966, 37, 77; Vāsavadattā of Subandhu, 121 и др.

⁵⁷ Kalhaṇa's Rājatarāṅgiṇī 1989, 309.

⁵⁸ II. 34: «Драгоценные камни – такие, как рубин и проч., золотые украшения – такие, как динары и проч., ...возвращаются хозяину, если они поделные» (Дхармашастра Нараты 1998, 66).

⁵⁹ Хинди-русский словарь 2002, 783. В этом качестве динара является наследницей нишки – ведийской золотой гривны (см. определение динары как нагрудного золотого украшения в «Амаракоше» III. 3. 13–14). Нишка в поздних дхармашастрах определялась и как монета, равная четырем «золотым» (вероятно, динарам).

⁶⁰ Вигасин 1998, 46.

⁶¹ Jaina Sūtras 1994, 233.

⁶² О таком же соотношении говорит и «Чарака-самхита» (Caraka-saṃhitā 1922, 675).

⁶³ Lakṣmīdhara. Kṛtyakalpataru 1941, 125.

⁶⁴ Sircar 1966, 129.

⁶⁵ Воробьева-Десятовская 1976, 74–75. Вряд ли только правильно называть dhana «местной единицей» (Воробьева-Десятовская 1976, 73).

⁶⁶ Дандамаев, Луконин 1980, 209.

⁶⁷ В предшествующем двустии «Нарада-смрити» (и в тождественных цитатах, приписываемых «Катьяна-смрити») дается определенное указание на район «Пятиречья». Р. Ларивьер не решает связать строку о динарах и дханаках именно с Панджабом (Larivière 1982, 112). Однако это кажется вполне правдоподобным: ведь чуть выше речь шла о других местных денежных системах – Юга и Востока Индии. К такому истолкованию склонился и П.В. Кане в переводе «Катьяна-смрити» (Kātyāyana-smṛti on Vyavahāra 1933, 213).

⁶⁸ Слово dhana, dhanya могло означать и весовую единицу – см. Kharoṣṭhī Inscriptions Discovered by Sir Aurel Stein... № 702.

Как известно, письменность появилась в Индии очень поздно. Само слово для письма *lipi* происходит от иранского *dipi*. Заимствование могло произойти в то время, когда Северо-Западная Индия вошла в состав державы Ахеменидов. В надписях Ашоки мы по большей части видим форму *lipi*, но в северо-западных областях – *dipi*. В санскритских текстах (преимущественно буддийских начала н.э.) есть группа слов, связанных с письменностью и происходящих из греческого языка: «чернила» – *melā* (< греч. μέλαν), «чернильница» – *melanduka* (< греч. μελανδόκος), «тростинка» (как инструмент для письма) – *kalama* (< греч. κάλαμος)⁶⁹.

12. Слово для «чернил» (*melā*) встречается у лексикографов. «Шабдакальпадрума»⁷⁰ приводит такие его толкования, как «чернила» (*masi* – со ссылкой на «Медины» I. 45) и «притирания»⁷¹ (*añjana* – со ссылкой на Хемачандру⁷²). По-видимому, то и другое может быть интерпретировано как «тушь» – для письма либо в качестве косметического средства. Со ссылкой на «Раджанигханту» Дханвантари дается и третий вариант: *mahānīlī*. Последнее слово Большой Петербургский словарь (s.v.) объясняет как растение индиго – в соответствии с «Амаракошей» (II. 4. 94 – *nīlī*). В качестве параллели можно привести указание «Перипла Эритрейского моря» (§ 39) о вывозе индиго (Ἰνδικόν μέλαν). В следующем стихе «Амаракоши» комментатор Махешвара, ссылаясь на «Нигханту» Дханвантари, предлагает исправить *dolā* на *melā*. Исправление, очевидно, следует принять⁷³, – и тогда окажется, что слово *melā* засвидетельствовано не столь уж поздно – примерно в IV–V вв. Махешвара толкует его как «черная краска для окрашивания одежды и прочего». Немецкий лексикограф Т. Цахариэ доказывал, что заимствованное из греческого слово для обозначения чернил пережило контаминацию с пракритским *maila* («испачканный, грязный»)⁷⁴.

13. На употребление в древней Индии слова *melā* («чернила») указывают неоднократные упоминания в буддийских текстах «чернильницы». Слово *melanduka*⁷⁵, без сомнения, восходит к греческому μελανδόκος. Санскритские авторы искажали заимствованное слово, нередко пытаясь осмыслить его и дать индоарийскую этимологию: *melandu*, *meraṇḍu*, *melāndhu* и т.д.⁷⁶ В «Шабдакальпадруме» приводятся, со ссылкой на средневековых лексикографов, такие варианты, как *melāndhu*, *melāmbu*, *melānandā* (от последнего образован был даже глагол *melānandāyate* – «превратиться в чернильницу»⁷⁷).

14. В этимологическом словаре М. Майрхофера⁷⁸ утверждается, что слово *kalama* в древних санскритских текстах не засвидетельствовано и заимствовано из греческого языка, вероятно, через посредство арабского. Это не соответствует действительности. В буддийском терминологическом словаре «Махавьютпатти»

⁶⁹ См. Казанский, Крючкова 2007а, 159–160.

⁷⁰ Śabdakalpadruma 1961, 782.

⁷¹ Хемачандра в другом месте (Anekārthasaṅgraha III.346) отождествляет *añjana* и *masi*, но не исключено, что и последнее иногда могло иметь значение косметического средства.

⁷² Anekārthasaṅgraha, II.495.

⁷³ Zachariae 1977, 372.

⁷⁴ Zachariae 1977, 368–374.

⁷⁵ Mahāvvyutpatti 273. 18; Kāraṇḍavyūha 28. 24.

⁷⁶ Edgerton 1977, 439.

⁷⁷ Sanskrit-Wörterbuch 1865–1868, 907.

⁷⁸ Mayrhofer 1956–1980, 178. В более позднем его словаре (Mayrhofer 1992–2001, s.v.) формулировка смягчена: утверждение о том, что слово заимствовано из греческого через посредство арабского, сопровождается знаком вопроса (?). Однако, датировка «Махавьютпатти» II–III вв. исключает возможность арабского влияния.

(233.14) мы видим это слово – правда, в необычной форме, с долготой (kalāma). Контекст этого фрагмента не оставляет сомнений в значении слова: предыдущее слово lekhanī означает инструмент для письма, следующее слово sutta – разновидность буддийских текстов, далее śalākā – «дощечка (с написанным именем монаха)» и т.д. Указанный памятник датируется II–III вв., – следовательно, термин kalama уже в это время использовался в санскрите, что, впрочем, вовсе не исключает того, что в эпоху мусульманских вторжений это слово вторично (на сей раз действительно из арабского qalam) попало в Индию и получило широкое распространение в хинди и других новоиндийских языках.

Большинство перечисленных выше слов употреблялось прежде всего в разговорном языке и лишь затем они могли проникнуть в санскрит – при этом в литературных памятниках, очевидно, сохранились лишь незначительные следы обиходной речи. Ряд заимствований может быть датирован временем индийских походов эллинистических царей – характерно наличие военной лексики. Это соответствует тому образу «греков», который отражается в древнеиндийской словесности: yavana нередко ассоциируются с воинственностью⁷⁹. Они рассматриваются как чужаки или варвары, – в лучшем случае, в качестве касты кшатрийского происхождения, которая опустилась до состояния шудр из-за пренебрежения к брахманам (Ману X. 43–44, Махабхарата XIII. 33. 19)⁸⁰. С набегами яванов в индийской традиции связывают наступление «века Кали» – эпохи бедствий, когда происходит смешение ариев и ритуально нечистых млеччхов («Матсья-пурана» 273. 25).

Широко представлены заимствования в сфере монетного обращения, что связано с хождением в Индии монет иноземных или выпущенных царями индо-греческих государств. Греческие влияния в начале н.э. тесно переплетаются с иранскими: греческое название римского денария присутствует как в индоарийских языках, так и в иранских, а название персидской монеты (данака) фигурирует в греческом и санскрите. Естественно, что культурное влияние греков наиболее заметно было в Северо-Западной Индии и Центральной Азии. С этим можно связать наличие в буддийских текстах на санскрите греческих слов для обозначения чернил, чернильницы и тростинки для письма.

Наряду со словами, вошедшими, очевидно, в разговорные языки, есть целый ряд заимствований греческой лексики в ученой санскритской литературе – главным образом астрологического содержания. Эти слова были отмечены еще пионерами индологии в позапрошлом веке⁸¹. Речь идет, к примеру, о названиях планет: heli (Солнце) – ἥλιος; hemna (планета Меркурий) – Ἑρμῆς; āsphujit (планета Венера) – Ἀφροδίτη; āra (планета Марс) – Ἄρης; jua или jīva (планета Юпитер) – Ζεὺς; koṇa (планета Сатурн) – Κρόνος. Знаки Зодиака также именуются словами греческого происхождения: jūka (Весы) – ζυγόν; taukṣika (Стрелец) – τοξότης;

⁷⁹ Lévi 1890; Lévi 1996, 187 f.; Karttunen, 1997, 316 f.

⁸⁰ См. Thapar 2010, 536–555. Дхармасутра Гаутама (IV. 21) определяет яванов как потомство кшатриев и шудрянков. Обычно это место в кастовой иерархии занимают угры, о которых «Ману» (X. 9) говорит: «существо, имеющее природу кшатрия и шудры, образ жизни и поступки которого отличаются жестокостью». Интересно, что в более поздней дхармашастре Нарады (XII. 108), той самой, где встречаются упоминания монет-динаров, мы находим отражение иного отношения к яванам: их определяют как потомство одобряемых браков между кшатриями и вайшьями. И кастовый статус здесь совершенно другой, и, возможно, отмечена связь с варной торговцев – вайшьев.

⁸¹ См. например, Weber 1853, 254 f. Подробный анализ фонетической формы санскритских названий светил, знаков Зодиака и т.д. см. Казанский, Крючкова 2007а.

kriya (Овен) – κριός; leya (Лев) – λέων; kaurpi/kaurpya (Скорпион) – σκορπίος; tāvuri (Телец) – ταύρος; jītuma (Близнецы) – δίδυμος; pāthona (Дева) – παρθένος; karkin (Рак) – καρκίνος; hṛdroga (Водолей) – ὑδροχόος.

Можно обнаружить ряд специальных терминов астрономии и геометрии: dṛkāṇa (третья часть Зодиака) – δεκανός; sunaphā (сочетание звезд, созвездие) – συναφή; kendra (центр круга) – κέντρον; jāmitra (диаметр) – διάμετρος; horā (час) – ὥρα; līptā/līptikā (минута) – λεπτόν; vāśī («лунный дом», следующий после того, в котором находится солнце) – φάσις; trikoṇa (пятый и девятый «лунные дома») – τρίγωνος; meṣūgaṇa (десятый «лунный дом») – μεσοῦράνημα; gīṣṭha (двенадцатый «лунный дом») – ῥιφή, rāṇaphara – ἐλανοφορά; āroklīma – ἀρόκλιμα; anapharā – ἀναφορά и др. Происхождение этих слов установить нетрудно. Они появляются в трудах индийских ученых Арьябхаты и Варахамихиры, которые можно уверенно датировать V–VI вв. И там же мы видим ссылки на использованные источники, среди которых фигурирует «Ромака-сиддханта», «Паулиша-сиддханта» и другие. Первое из этих сочинений уже по названию можно определить как труд «римлянина» (ромака⁸²). О втором труде Абурейхан Бируни⁸³ писал: «Названная по греку Паулисе из города Сайнтра, – я полагаю, что это Александрия» (Павел Александрийский – известный астроном IV в.?). Одним из важных источников по истории индийской науки является санскритская «Явана-джатака», основанная на греческом тексте, составленном в Александрии Египетской в середине II в.⁸⁴

Варахамира дает самую высокую оценку эллинистическо-римской астрологии⁸⁵: «Яваны – млеччи (т.е. ритуально нечистые, варвары – *A.B.*), но эта наука у них установлена должным образом; их следует почитать подобно ведийским риши (провидцам, мудрецам. – *A.B.*)». Несомненно, он читал труды античных авторов по-гречески или в таких переводах и пересказах, где сохранялась греческая терминология⁸⁶.

Развитие индийской науки невозможно представить без учета греческого влияния – и заимствованная лексика об этом влиянии свидетельствует. Однако следует оговориться, что многие небесные светила были хорошо известны индийским астрономам и до знакомства с греческой наукой. В санскрите, естественно, были свои названия солнца и планет, и Варахамира употребляет их часто (Budha – Меркурий, Śukra – Венера и т.д.). Названия знаков Зодиака присутствуют у него и в переводе: Лев – simha, Дева – kanyā и т.д. Он приводит греческие названия, видимо, потому, что в тех или иных фрагментах следует античному оригиналу.

⁸² Рим и римляне неоднократно упоминаются в древнеиндийских текстах. Так, в «Махабхарате» II. 28. 49 говорится о том, что Пандавы покорили Антакхи (Антиохию), Рома и город яванов (очевидно, Александрию). «Город римлян» (Romaraṭṭana) или просто Ромака в индийской космографии считается крайним пунктом на Западе (см. Kirfel 1920, 174). «Васиштха-дхармасутра» (XVIII. 4) определяет готака в качестве особой касты, происходящей от брачных связей вайшьев с брахманками. Таким образом, они стоят чуть выше неприкасаемых – чандалов, которых брахманка рождает от шудр.

⁸³ Бируни 1963, 162.

⁸⁴ См. Pingree 1981, 10–11.

⁸⁵ Bṛhat-saṃhitā II.32.

⁸⁶ Заслуживает внимания мысль, высказанная в статье Н.Н. Казанского и Е.Р. Крючковой (2007 а, 169). Авторы полагают, что речь должна идти об устной передаче знаний, о том, что «древнеиндийские астрономические тексты... закрепляют некую преподавательскую норму».

Большинство этих названий и терминов не являются, строго говоря, настоящими заимствованиями, так как они не вошли в санскрит⁸⁷. Это всего лишь транслитерация греческих слов, представляющая интерес главным образом с точки зрения передачи фонетики иноземной речи. Притом и в этом отношении необходима известная осторожность. Ведь индийцы не стремились к точной передаче фонетики, нередко они по-новому осмысливали чужеродную лексику (характерный пример: *ṽdroḥoos* – Водолей превращается в *hṛdroga* – болезнь сердца). Точно так же трудно считать заимствованиями передачу имен греков в индийской эпиграфике, начиная с Антийоки (Антиоха) и Турамая (Птолемя) в надписях Ашоки⁸⁸. Органической частью корпуса санскритской лексики не стали также названия месяцев македонского календаря, упоминающиеся в надписях из Северо-Западной Индии (*daisika*, *apela*, *arthamisiya* и т.д.) – это всего лишь транслитерации иноземных слов. В отличие, скажем, от *suruṅgā* или *śauṭiga*, они (или подавляющее большинство их) не пережили эллинистическую эпоху и не оставили следа в новых индоарийских языках.

Обилие греческих слов в санскритской астрологической литературе (их около четырех десятков) заставляет задуматься над общей проблемой греко-индийских культурных связей. Сочинения Арьябхаты и Варахамихиры, как было сказано, датируются V–VI вв. Греческие тексты, которые в той или иной форме были доступны индийским ученым, появились во II–IV вв. Римское Средиземноморье в эпоху поздней античности стало забывать достижения науки, об Индии все чаще распространялись баснословия, но тогда же ученые индийцы начали штудировать труды последователей Клавдия Птолемя.

Литература

1. *Бируни А.* 1963: Избранные произведения. Т. II. Ташкент.
2. *Вигасин А.А.* 1998: Памятник древнеиндийского права – дхармашастра Нарады // Дхармашастра Нарады. М.
3. *Воробьева-Десятовская М.И.* 1976: Надписи письмом *кхароштхи* на золотых предметах из Дальверзин-тепе // ВДИ. № 1, 72–79.
4. *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* 1980: Культура и экономика древнего Ирана. М.
5. Дхармашастра Нарады 1998: Перевод А.А. Вигасина и А.М. Самозванцева. М.
6. *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* 2003: Древнегреческо-древнеиндийский билингвизм // *Scripta Gregoriana*. Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 214–231.
7. *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* 2006: Лексические свидетельства греко-индийских контактов // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сб. статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга. СПб., 339–349.
8. *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* 2007а: Греческая ученость в индийском преломлении // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М., 159–169.
9. *Казанский Н.Н., Крючкова Е.Р.* 2007б: Среднеиндийский композит в древнегреческом переводе; к семантике *широкой образованности и многого знания* // Общее и германское языкознание: К 50-летию научной деятельности профессора В.М. Павлова (*Acta Linguistica Petropolitana*. Т. III. Ч. 1). СПб., 118–126.
10. *Крючкова Е.Р.* 2005: «Царь» и «бог» у индо-греков по эпиграфическим данным // *Hṛdā manasā*: Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Леонарда Георгиевича Герценберга. СПб., 378–384.
11. Хинди-русский словарь 2002: Т. 1. М.

⁸⁷ Изредка, впрочем, некоторые термины проникали в художественную литературу (к примеру *jāmitra* «диаметр» в «Кумарасамбхаве» Калидасы VII. 1).

⁸⁸ Сопоставление индийской формы имен царей с греческим оригиналом (а также названий месяцев македонского календаря и ряда административных должностей) содержится в статьях Н.Н. Казанского и Е.Р. Крючковой (см., в частности, 2003 и 2006).

12. *Agrawala R.Ch.* 1955: Greek Stater in Ancient Indian Epigraphs and Literature // Journal of Numismatic Society of India. Vol. XV. Varanasi, 153–154.
13. *Agrawala V.S.* 1957: Coin Names in the Angavijja // *Āṅgavijjā* (Science of Divination through Physical Signs and Symbols). Varanasi.
14. *Aiyangar R.* 1941: Preface // *Bṛhaspati-smṛti*. Baroda.
15. *Āṅgavijjā* 1957: *Āṅgavijjā* / Ed. by Muni Shri Punyavijayaji. Varanasi.
16. *Bailey H.* 1949–1950: Irano-Indica // BSOAS. XIII, 121–139.
17. *Burrow Th.* 1970: Sanskrit śauṭīra // JRAS. 15–19.
18. *Caraka-saṃhitā* 1922: *Caraka-saṃhitā* / Ed. by V.K. Datar. Bombay.
19. *Cardona G.* 2013: Indological Research. Different Standpoints. Delhi.
20. *Cribb J., Turner P.* 1996: Numismatic Evidence for the Roman Trade with Ancient India // *The Indian Ocean in Antiquity*. L., 309–319.
21. *Das Gupta K.K.* 1974: A Tribal History of Ancient India. A Numismatic Approach. Calcutta.
22. *Daśakumāracarita* 1966: *Daśakumāracarita* / Ed. by M.R. Kale. Delhi.
23. *Edgerton F.* 1977: Buddhist Hybrid Sanskrit and Dictionary. Vol. II. Delhi.
24. *Falk H.* 1993: Die Schrift im alten Indien. Ein Forschungsbericht mit Anmerkungen. Tübingen.
25. *Gupta P.L.* 1965: Roman Coins from Andhra Pradesh. Hyderabad.
26. *Gupta P.L.* 1979: Coins. Delhi.
27. *Halbfass W.* 1991: Early Indian References to the Greeks and the First Western References to Buddhism // *The Dating of the Historical Buddha*. Pt. I. Göttingen.
28. *Illustrated Ardhā-Magadhī Dictionary* 1923: Compiled by Shatavadhani Jain Muni. Vol. 2. Delhi.
29. *Inscriptions of the Early Gupta Kings*. 1981: *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. III. New Delhi.
30. *Jaina Sūtras* 1994: *Jaina Sūtras* / Transl. by H. Jacobi. (Sacred Books of the East. Vol. XXII). Delhi.
31. *Jolly J.* 1928: Hindu Law and Custom, Calcutta (перевод книги Recht und Sitte, 1896).
32. *Kalhana's Rājatarāṅgiṇī* 1989: *Kalhana's Rājatarāṅgiṇī*. Vol. II. Delhi.
33. *Kane P.V.* 1974: History of Dharmaśāstra. Vol. V. Pt. 1. Poona.
34. *Karttunen K.* 1989: India in Early Greek Literature. Helsinki.
35. *Karttunen K.* 1994: Yonas, Yavanas and Related Matter in Indian Epigraphy // *South Asian Archaeology* 1993. Vol. I. Helsinki, 329–336.
36. *Karttunen K.* 1997: India and the Hellenistic World. Helsinki.
37. *Karttunen K.* 2003: Origin of Yona/Yavana // *Sarūpa-Saurabham*. Tributes to Indology. Prof. Lakshman Sarup Centenary Volume. Delhi, 298–304.
38. *Karttunen K.* 2005: Supposed Graeco-Roman Goddesses and Related Matter in the *Āṅgavijjā* // *Indian Historical Review*. Vol. XXXII, 1, 189–196.
39. *Kātyāyana-smṛti* 1933: *Kātyāyana-smṛti* on Vyavahāra. Ed. and transl. by P.V. Kane. Bombay.
40. *Keith A.B.* 1915: The Denarius as a Proof of Date // JRAS, 504–505.
41. *Kharoshthī Inscriptions with the Exception of those of Aśoka* 1991 / Ed. by S. Konow. *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. II. Pt. I. Delhi.
42. *Kharoshthī Inscriptions Discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan* 1997 / Ed. by A.M. Boyer, E.J. Rapson, E. Senart. Delhi.
43. *Kirfel W.* 1920: Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt. Bonn–Leipzig.
44. *Krishna Sastry V.V.* 1992: Roman Gold Coins. Recent Discoveries in Andhra Pradesh. Hyderabad.
45. *Kuiper F.B.* 1939: Indo-iranica // *Acta Orientalia*, Leiden. Vol. 17, 30–34.
46. *Lahiri A.N.* 1965: *Corpus of Indo-Greek Coins*. Calcutta.
47. *Lakṣmidhara*. *Kṛtyakalpataru* 1941: *Vyavahāra-kāṇḍa*. Ed. by Rangaswami Aiyangar. Baroda.
48. *Lariviere R.* 1982: Coins in the *Nārada-smṛti's* Chapter on Theft // *Journal of the Numismatic Society of India*. Vol. XLIV. Pt. 1–2, Varanasi, 108–113.
49. *Lévi S.* 1890: Quid de Graecis veterum Indorum monumenta tradiderint. Bouillon.
50. *Lévi S.* 1996a: Alexandre et Alexandrie dans les documents indiens // *Mémorial Sylvain Lévi*. Delhi, 413–423.
51. *Lévi S.* 1996b: La Grèce et l'Inde d'après les documents indiens // *Mémorial Sylvain Lévi*. Delhi, 187–203.
52. *Liebich B.* 1931: Griechische Militärische Wörter im Indischen // *Indian Studies*. Volume in Honour of Edward James Rapson. L., 431–434.
53. *Ludwig A.* 1893: Yavanānī (Pāṇ. IV. 1. 49) // *Sitzungsberichte der Königlichen Böhmisches Akademie der Wissenschaften*, 9, 1–11.
54. *Mayrhofer M.* 1956–1980: *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd I–IV, Heidelberg.
55. *Mayrhofer M.* 1992–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd I–III. Heidelberg.

56. Nāradaśmṛti 1989: Nāradaśmṛti / Ed. by R. Lariviere. Part 1. Philadelphia.
57. Narain A.K. 1980: The Indo-Greeks. Delhi.
58. Pañcatantra of Viṣṇuśarman 1982: Pañcatantra of Viṣṇuśarman / Ed. by M.R. Kale. Delhi.
59. Pingree D. 1981: Jyotiḥśāstra. Astral and Mathematical Literature (A History of Indian Literature VI.4). Wiesbaden.
60. Pischel R. 1981: A Grammar of the Prakrit Languages. Delhi.
61. Śabdakalpadruma 1961: Śabdakalpadruma. Vol. 3. Delhi.
62. Salomon R. 1999: Ancient Buddhist Scrolls from Gandhāra. L.
63. Sanskrit-Wörterbuch 1865–1868: Sanskrit-Wörterbuch... von O. Böhtlingk und R. Roth. Tl. V. SPb.
64. Scharfe H. 1977: Grammatical Literature (A History of Indian Literature, V. 2). Wiesbaden.
65. Scharfe H. 1993: Investigations in Kauṭilya's Manual of Political Science. Wiesbaden.
66. Sircar D.C. 1966: Indian Epigraphical Glossary. Delhi.
67. Stein O. 1985a: Σύπτηξ und suruṅgā // Kleine Schriften. Stuttgart.
68. Stein O. 1985b: Graeco-Indian Notes // Kleine Schriften. Stuttgart.
69. Strauch I. 2002: Die Lekhapaddhati-Lekhapañcāśikā. Briefe und Urkunden im mittelalterlichen Gujarat. B.
70. Thapar R. 2010: Indian Views of Europe: Representations of the Yavanas in Early Indian History // Thapar R. Cultural Pasts. Essays in Early Indian History. Delhi.
71. Thomas F.W. 1924: Drakhme and Stater in Khotan // JRAS, 671–672.
72. Töttössi Cs. 1955: The Name of the Greeks in Ancient India // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 3. Budapest, 301–319.
73. Töttössi Cs. 1977: Graeco-Indo-Iranica // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 25. Budapest, 129–135.
74. Trautmann Th.R. 1971: Kauṭilya and the Arthaśāstra. A Statistical Investigation of the Authorship and Evolution of the Text. Leiden.
75. Turner P.J. 1989: Roman Coins from India. L.
76. Turner R.L. 1965: A Comparative and Etymological Dictionary of the Nepali Language. L.
77. Turner R.L. 1989: A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Vol. I. Delhi.
78. Uhlenbeck C.C. 1898–1899: Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch der Altindischen Sprache. Amsterdam.
79. Vāsavadattā of Subandhu 1891: Ed. by Jīvānanda Vidyāsāgara. Calcutta.
80. Weber A. 1853: Zur Geschichte der indischen Astrologie // Indische Studien. Bd II. B., 236–287.
81. Winternitz M. 1998: History of Indian literature. Vol. III. Delhi.
82. Zachariae Th. 1977: Prakrit maila und Verwandtes // Zachariae Th. Opera minora zur indischen Wortforschung... Tl. I. Wiesbaden, 368–374.

SANSKRIT BORROWINGS FROM THE GREEK LANGUAGE

Alexey A. Vigasin

The article is devoted to lexical borrowings from Greek into Sanskrit in their historical and cultural aspects. The author tries to assess the chronology of such borrowings and their importance to determine the dates of the historical sources. The word denoting the Greeks in old Indian was borrowed during the Achaemenid Empire. The majority of the lexical borrowings in the military sphere date back to the Hellenistic period. Such borrowings have a counterpart in the image of the Greeks in Sanskrit literature as the militant barbarous tribes. The Greek names of the coins in Sanskrit or Prakrit texts and epigraphical records were popular in the first centuries A.D., but some of them went through the Iranian languages. The words borrowed from the Greek and connected with writing occurred rarely and mainly in the Buddhist texts from North-Western India. Some astronomical terms in Sanskrit treatises were taken from the Greek texts of the late Antiquity. But they rarely influenced vernaculars.

Keywords: Sanskrit etymology, Indo-Greek contacts, dating of historical sources.

Lomonosov Moscow State University,
Institute of Asian and African Studies,
Moscow, Russia

alexey.vigasin@gmail.com